

6 Кудрявцев В.Л. Проблемы формирования и реализации позиции адвоката-защитника на судебном следствии // СПС Консультант Плюс.

7 Бойков А.Д. Проблема эффективности судебной защиты. Дисс. ... докт. юр. наук. - М., 1974. - С. 204.

8 Д. Гомьен, Д. Харис, Л. Зваак. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.: МНИМП, 1998. - С. 251-252.

9 О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней : Федеральный Закон от 30.03.1989 г. № 54-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

Е.А. Коротич

УО «БрГУ им. А.С. Пушкина»

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОДОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ, ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЕМ ИМУЩЕСТВА

В отличие от предшествующего Уголовного кодекса /далее – УК/ Республики Беларусь (УК 1960 г.), в котором норма об ответственности за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 202 УК) была помещена в главу, систематизирующую преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, действующий уголовный закон Беларуси (УК 1999 г.) существенно изменил подход к трактовке основной направленности указанного преступления, признав его посягательством на личную свободу человека (глава 22, ст. 186 УК). Аналогичное понимание родовой принадлежности угрозы причинения вреда жизни, здоровью или имуществу физического лица известно и истории развития отечественного уголовного законодательства. В частности, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. систему преступлений против личной свободы строило с учетом различного вида угроз. Учитывая то обстоятельство, что обязательным признаком таковых Уложение признавало требование виновного лица либо передать ему деньги, вещь, письменный акт либо что-то иное, равно как принять на себя невыгодные обязательства или отказаться от принадлежащего на законном основании права (ст.ст. 1545, 1546), воздействие на свободу волеизъявления потерпевшего в случае высказывания соответствующей угрозы просматривалось весьма

рельефно. В условиях отсутствия в уголовном законе (вплоть до принятия Уголовного Уложения 1903 г.) общей нормы о принуждении такой подход, действительно, представлялся вполне обоснованным и позволял рассматривать отдельные акты принуждения в качестве угрозы. Вместе с тем, в доктрине уголовного права этого периода получает развитие точка зрения, согласно которой угроза, «если она не превращается в принуждение», «может и не стеснять свободы того, кому угрожают, как это бывает, например, когда угрожают из мести причинить какое-либо преступление, не обуславливая его тем или иным поведением угрожаемого субъекта» [1, с. 91]. Несмотря на теоретико-правовую актуализацию отмеченной характеристики угрозы, Уголовное Уложение 1903 г. продолжило традицию трактовки рассматриваемого деяния в качестве посягательства на личную свободу человека, хотя норма об ответственности за угрозу (ст. 510) в данном источнике права уже не обуславливала наказуемость таковой предъявлением со стороны виновного лица каких-либо требований. Более того, именно в Уголовном Уложении впервые получила законодательное закрепление практика разграничения актов принуждения и угрозы в качестве самостоятельных преступных деяний, свидетельством чему может служить криминализация принуждения в рамках отдельных правовых норм (ст.ст. 507-509 Уголовного Уложения).

Действующий уголовный закон Республики Беларусь, как и предшествующие источники уголовного права (начиная с Уголовного Уложения 1903 г.), в качестве одного из существенных признаков преступления, предусмотренного ст. 186 УК, признает не сопряженность угрожающих высказываний виновного лица с принуждением потерпевшего к определенному варианту поведения (следовательно, с воздействием на свободу волеизъявления лица). Аналогичный подход, как правило, характеризует содержание соответствующего уголовно-правового запрета и в уголовном законодательстве ряда зарубежных государств, в том числе, Российской Федерации. Несмотря на данное обстоятельство, в юридической литературе получила распространение точка зрения, согласно которой угроза применения физической силы представляет собой противоправное воздействие, направленное на психику другого лица с целью подчинения его воли воле виновного [2, с. 4]. При таком понимании угроза является своего рода косвенным принуждением, а принуждение, как известно, так или иначе сопряжено с ограничением личной свободы человека. Однако, как было отмечено ранее, согласно действующему уголовному закону норма об угрозе должна применяться только при отсутствии в содеянном признаков принуждения, а также иных преступлений, конструктивным элементом которых является угроза (например, вымогательство, разбой и т.д.).

Некоторые авторы, обосновывая правомерность признания угрозы преступлением против личной свободы, подчеркивают, что угроза направлена на возбуждение в потерпевшем страха, опасения и, тем самым, принуждает его принять необходимые меры для охраны своей личности или имущества. Как представляется, при таком подходе мы имеем возможность признать практически все преступления, направленные против человека в какой бы то ни было форме, посягающими на его личную свободу.

Соглашаясь отчасти с тем, что угроза при определенных условиях ее высказывания может в некоторой мере повлиять на дальнейшее поведение потерпевшего, следует, тем не менее, признать, что все возможные ограничения личной свободы (прежде всего, свободы принятия волевого решения относительно совершения или не совершения того или иного действия) имеют в таком случае исключительно субъективный характер.

В настоящее время отнесение состава угрозы к преступлениям против личной свободы представляется скорее данью традиции дореволюционного уголовного законодательства, нежели практически обоснованным решением. Как показывает анализ судебной практики рассмотрения данной категории дел, в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 186 УК, не подвергается ограничению не только физическая свобода потерпевших, но и свобода принятия ими волевого решения относительно дальнейшего варианта своего поведения. Иными словами, отношения межличностного общения, возникающие по поводу обеспечения личной свободы человека, ее реализации, не могут быть признаны непосредственным объектом угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества. В свете последнего вывода возникает вполне закономерный вопрос: на что посягает рассматриваемое преступление, чему оно причиняет или может причинить вред.

По смыслу ст. 186 УК Республики Беларусь сущность угрозы заключается в воздействии на психоэмоциональную сферу лица, которому адресована угроза, посредством высказывания намерения причинить ему соответствующий вред, что, в свою очередь, негативно отражается на самочувствии потерпевшего и приводит к переживанию им сильного душевного беспокойства, опасения за свою жизнь, здоровье или имущество. При этом обоснованность опасений обусловливается объективным характером угрозы: согласно закону уголовно наказуемой является только та угроза, в отношении которой имелись основания опасаться ее осуществления. В контексте сказанного абсолютно органичным сущности угрозы, криминализированной ст. 186 УК, видится определение непосредственного объекта данного преступления в качестве общественных отношений, обеспечивающих психологическое

спокойствие и безопасность личности [3, с. 183, 205] или, другими словами, состояние психологического равновесия и благополучия. Подобное определение непосредственного объекта угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества дает основание высказать предположение о целесообразности отнесения данного преступления к системе преступлений, ставящих здоровье человека в опасность причинения вреда (глава 19 УК). Необходимость выделения такого рода посягательств в системе преступлений против здоровья человека объясняется тем, что для наступления уголовной ответственности за их совершение как за оконченное деяние не требуется причинения потерпевшему реального вреда; достаточно того, что создается угроза здоровью, возникает опасность его расстройства [4, с. 8]. Полагаем, что такая ситуация складывается и в случае преступления, предусмотренного ст. 186 УК Республики Беларусь. Причем при совершении данного деяния под угрозу причинения вреда ставится психическое здоровье потерпевшего как составляющая его здоровья в целом.

Как представляется, изложенное нами суждение относительно родовой принадлежности угрозы непротиворечиво соотносится с определением здоровья в качестве состояния полного физического, духовного и социального благополучия людей, а не только отсутствие заболеваний (ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении»). Согласовывается такой подход и с определением здоровья, которое было дано Всемирной организацией здравоохранения: здоровье – это состояние полного социального, психического, физического благополучия, когда все функции человека уравновешены окружающей средой – природной и социальной. Угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества создает потенциальную возможность нарушения указанного благополучия. В контексте сказанного заслуживает внимания позиция российских авторов Ю.А. Красикова и А.М. Алакаева, по мнению которых, сила информационного воздействия на человека «в некоторых случаях во много раз превосходит физическое воздействие и может вызвать самые тяжкие последствия, вплоть до смерти» [5, с. 46].

Отнесению угрозы к категории преступлений, ставящих в опасность здоровье потерпевшего, с нашей точки зрения, не препятствует тот факт, что ст. 186 УК Республики Беларусь предусматривает ответственность, в том числе, и за угрозу уничтожением имущества. Основная цель рассматриваемого преступления – вызвать у потерпевшего состояние так называемого «эмоционального стресса», причинить ему негативные психические переживания, однако средством воздействия на психику потерпевшего в данном случае является высказывание угрозы по поводу его имущества.

Характерно, что по пути признания угрозы преступлением против здоровья человека идет законодательство большинства государств постсоветского пространства: (например, ст. 119 УК России (глава 16 «Преступления против жизни и здоровья»), ст. 129 (раздел II «Преступления против жизни и здоровья личности») УК Украины, ст. 155 (глава II «Преступления против жизни и здоровья») УК Молдовы, ст. 120 (глава 16 «Преступления против жизни и здоровья») УК Таджикистана, ст. 113 (глава 16 «Преступления против жизни и здоровья») УК Киргизии, ст. 134 (глава 18 «Преступления против жизни и здоровья») УК Азербайджана, ст. 132 (глава XIII «Преступные деяния против здоровья лица») УК Латвии, ст. 145 (глава XIX «Преступления, сопряженные с опасностью для здоровья и жизни человека») УК Литвы и др.).

Список использованных источников

1 Фойницкий, И.Я. Курсь Уголовнаго права. Часть Особенная. Посягательства личныя и имущественныя / И.Я. Фойницкий. – шестое издание. – Санкт-Петербург: типографія М.М. Стасюлевича, 1912. – 451 с.

2 Костров, Г. К. Уголовно-правовое значение угрозы: автореф. дисс ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Г.К. Костров; Московский государственный университет. – М., 1970. – 30 с.

3 Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: Учебное пособие / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. Н.А. Бабия и И.О. Грунтова. – Минск: Новое знание, 2002. – 912 с.

4 Никифоров, А.С. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву / А.С. Никифоров. – М.: Юридическая литература, 1959. – 189 с.

5 Шарапов, Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве / Р.Д. Шарапов. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. – 298с.

А.Э. Костюкович

Филиал РГСУ в г. Минске

ДОПРОС ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В качестве одного из следственных действий, посредством которого осуществляется процесс доказывания, выступает допрос обвиняемого.